

Александр Бек. «Новое назначение». Роман. Журнал «Знамя», №№ 10, 11. 1986.

РОМАН Александра Бека «Новое назначение» опубликован спустя двадцать два года после его завершения. Всякий раз, когда знакомы с литературным произведением, по тем или иным причинам долгие годы ожидавшим своего пути к читателю, одним из первых возникает немаловажный вопрос: принадлежит ли оно, это произведение, только своему времени или же продолжает будить мысли и чувства людей уже иной эпохи? В кратком предисловии к журнальной публикации романа Григорий Бакланов, отвечая на этот вопрос, справедливо утверждает: «...книга эта звучит исключительно современно».

Да, это так. Современность романа А. Бека определяет прежде всего его композиционный принцип, созвучный сегодняшним дням, когда в повествовании напрямую сталкиваются два хронологических пласта — «век нынешний» и «век минувший», когда с позиций требований «века нынешнего» взыскательно и беспристрастно оцениваются дела и люди «века минувшего». Созвучна нам и фразеология, когда в ткань романа вторгаются словесные обороты, как будто бы сошедшие с газетных полос наших дней. Вот, к примеру: «Ее, эту ожидаемую перестройку управления промышленностью, уже называют «революционной ломкой».

И построение романа, и фразеология — существенные, но отнюдь не главные признаки современности. Главное — в самом характере художественного мышления, в тех задачах, которые ставит перед собой и решает писатель. И в этом отношении написанный в начале шестидесятых годов роман «Новое назначение» заметно отличается от ряда произведений, появившихся в то время. Нередко пафос таких произведений сводился к сенсационному разоблачительству, при котором закономерное осуждение культа личности Сталина порой вольно или невольно перерастало в осуждение всей эпохи и само понятие «сталинская эпоха» окрашивалось в иронические, а то и в саркастические тона. Верный своему творческому принципу, который он сам называл «следовательским» или «исследовательским», А. Бек стремился глубоко и досконально разобраться в противоречиях героического и трагедийного времени.

Сам автор определяет жанр своего произведения как «роман-отчет». Истинный же отчет, как известно, не терпит ни приписок, ни умолчаний. Такой подход к художественному исследованию, как мне кажется, соответствует современному пониманию жизненной правды. И пусть в романе почти нет привычных «красот стиля», будь то живописные пейзажи или пространственные описания внешности героев, покоряет он иным — присущей отчету строгостью и четкостью воспроизведения неповторимого колорита времени.

В романе А. Бека ощутимы героизм и повседневность, драматизм и величие жизни. Их проявления автор исследует в специфической социальной среде, которую составляют крупные руководители промышленности. На одной из страниц возникает групповой портрет героев, и подобно тому, как, скажем, в репинском «Заседании Государственного Совета», в лицах персонажей запечатлены неповторимые социальные приметы своего времени, так и здесь высвечено то главное, «родовое», что объединяло этих людей. «Все здесь как будто разные, и, однако, что-то в них есть схожее... Да, тут сошлись ребята. И в отошедшие годы, и ныне они тянут, вытягивают взваленную на них ношу,

С гордостью несут свое звание: кадры хозяйственного руководства. В газетах их называли еще так: борцы за выполнение директив. Онисимов, впрочем, не пользовался этакими красотоми стиля, предпочитая... лаконичное определение: солдат партии. Избегая банальностей, автор все же обязан повторить здесь ходячую истину, что людей такого склада в истории еще не было. Эпоха дала им свой чекан, привила первую доблесть солдата: исполнять! Их девизом, их «верую» стало правило кадровика-воина: приказ, и никаких разговоров!»

За людьми, запечатленными в этом литературном портрете, встанут вполне реальные жизненные прототипы — питомцы Серго: Малышев и Тевосян, Завенягин и Вахрушев, Лихачев и Засядько и многие, многие другие, чьим самоотверженным трудом, неустанным горением крепилась индустриальная мощь державы, выдержавшей и тягчайшие испытания войны, и грудности послевоенного восстановления. Редкий из них дожил до шестидесяти. Они прожили недолгие, но яркие жизни, озаренные высокой идеей действенного и ревностного служения родной стране.

Главный герой «Нового назначения» — из этой славной плеяды. Характер одного

Твердый и цельный, даже ригористический характер Онисимова как будто не знает противоречий. С гордостью вспоминает герой данное ему в молодости друзьями прозвище — «человек без флокенов». В металлургии термин этот обозначает незаметные, до поры скрытые разрушения рельсы, трескаются корабельные винты, обваливаются, казалось бы, прочнейшие фермы. Беда в том, что до поры до времени Онисимов не догадывался о своих флокенах.

Исполнительность — прекрасное качество, но когда она лишает человека способности к самостоятельному мышлению, когда сковывает инициативу, она обращается против дела. Эту нехитрую истину прекрасно иллюстрируют эпизоды романа, связанные с изобретением инженера Лесных. Всем авторитетным специалистам, в том числе и Онисимову, ясна абсурдность предлагаемой технической авантюры. Но на внедрении предложения Лесных настаивает Сталин, и Онисимов,

всегда с благоговением относящийся к Сталину, считающий, что тот спас его от репрессий, без запинки отвечает: «Будет исполнено!». «Прежние его возражения уже будто и не существовали: повеление Сталина он воспринимал как непререкаемый высший закон».

Происходит одна из самых сильных «сшибок», во многом способствовавших развитию смертельной болезни героя. «Еще никогда не переживал он такой сильной сшибки — сшибки приказа с внутренним убеждением. Доныне он всегда разделял мыслью, убеждением то, что исполнял. А теперь, пожалуй, впервые не верил, но все же приступил к исполнению».

Эта «сшибка» тем не менее подготовлена некоторыми особенностями характера Онисимова. Ведь он искренне считал, что «к философствованию он не приспособлен», гнал от себя мысли о «парадоксах и противоречиях эпохи», даже в дни, чреватые для него смертельной опасностью, «работал со страстью, с азартом, заглушал угнетение, тоску». Он твердо верил, что с честью исполняет свой долг. Ведь «для него не было пустыми словами выражение «солдат партии»... Когда вошло в обиход «солдат Сталина», он с гордостью и, несомненно, по праву считал себя таким солдатом».

Далеко в прошлое ушло время Онисимова. Но мы никогда не забудем всего доброго, что сделано им и его поколением.

Сейчас, по прошествии многих лет, легко видеть уязвимость позиции героя А. Бека. Труднее понять его, распознать трагедийность этой фигуры и, не закрывая глаза на те тяжкие отметины времени, что сковывали и давили недюжинную человеческую натуру, воздать ей должное.

ЧЕЛОВЕК и флокены

из организаторов и руководителей нашей промышленности Александра Леонтьевича Онисимова — характер типический, вошедший в себя неповторимые и существенные особенности своего времени, отмеченный как его силой, так и его слабостями. Роман А. Бека мог быть назван именем героя, как в свое время назывались книги, в которых выводился литературный тип эпохи.

Доминанта характера Онисимова — его всеохватывающая, всепоглощающая одержимость делом. Равнодушный к быту, к своей многокомнатной квартире, обставленной уютной казенной мебелью, не испытывающий больших радостей в семье — ведь жена это прежде всего «твердый товарищ», «это был брак не по любви, а, так сказать, по идейному, духовному родству», — герой романа всю свою жизнь посвятил налаживанию производства танков и стального проката, как сказали бы мы сейчас — укреплению связи науки с производством, совершенствованию дела, которому посвятил жизнь. «Знать дело до последней мелочи, знать дело лучше всех, не доверять ни слову, ни бумаге — таков был его девиз».

И вот, прибыв на металлургический завод, Онисимов сам вникает во все мелочи, придирчиво инспектирует самые потаенные уголки. И в годы войны опять же до самых мельчайших мелочей прекрасно осведомлен о том, как идет монтаж оборудования на эвакуированных заводах. С полным правом мог сказать он о себе и своих товарищах: «Потрудились, себя, кажись, не посрамили!». Уже в иные времена, отрешенный от любимого дела, назначенный послом в далекую Тишландию, Онисимов столь же дотошно вникает в тонкости новой работы. Его бесстрастное лицо не выражает сожаления, но автор многозначительно поясняет, что герой принадлежал «не себе, а своим обязанностям».